

Дворец Чансинь.

Место, где жила благородная госпожа Чу, перевернули вверх дном.

Порошок из плодов бредолиста, который наложница припрятала в надежде использовать во второй и третий раз, разумеется, не укрылся от намётанного глаза евнуха Юя и его подручных, искусных в обысках.

Юй передал улики двум лекарям для освидетельствования и, получив неопровержимое заключение, доложил обо всём императору Чунчжао.

Маленький флакон с тёмным порошком сиротливо стоял на столе.

Поднять руку на ребёнка, совершить столь гнусное злодеяние лишь ради удовлетворения собственной корысти — любой здравомыслящий человек не смог бы сдержать негодования. К тому же Седьмой принц всегда был на редкость дружелюбен со слугами дворца Цзычэнь.

— Ваше Величество! — с горечью и гневом воскликнул евнух Юй. — Кто-то вознамерился погубить принца! Если бы Маленький принц пристрастился к этой дряни, это же... это же...

Во дворце Цзычэнь воцарилась ледяная тишина.

Никто и помыслить не мог, что у госпожи Чу хватит дерзости использовать запретное зелье, чтобы вызвать у принца зависимость и тем самым удержать его при себе.

Впрочем, и сама госпожа Чу в страшном сне не могла представить, что Седьмому принцу вдруг взбредёт в голову отнести яичный крем императору. Ещё меньше она ожидала, что мальчик окажется настолько чувствителен к запаху плода бредолиста... Настолько, что стоило ей добавить лишь щепотку, как он тут же выдал себя странным поведением.

И это при том, что он не проглотил ни кусочка!

Всё выглядело так, будто принц с самого начала знал, что спрятано в угощении.

Но какой бы абсурдной ни казалась эта мысль, никому и в голову не пришло подозревать двухлетнего ребёнка в тонкой интриге. Всё списали на её собственное фатальное невезение.

Взгляд, которым Чунчжао одарил госпожу Чу, был взглядом на покойника.

Покушение на жизнь и здоровье наследника престола — преступление, караемое истреблением всего рода. Пока тайна не раскрыта — это путь к невысказанному величию, но стоит ей всплыть — и мольбы о пощаде бесполезны. Госпожа Чу, впрочем, продолжала отчаянно цепляться за жизнь, не желая признавать вину.

— Ваше Величество, это всё наветы! — кричала она, обливаясь слезами. — Кто-то подставил меня! Кто-то не вынес того, что мне доверили воспитание Седьмого принца, и прибёг к столь коварному средству! Государь... Государь, верьте мне!

— В инспекционно-транспортном управлении Управы Северных врат служат люди из твоей семьи, — ровным голосом произнёс Чунчжао. — Твой брат угодил в тюрьму за ввоз контрабанды, среди которой был и порошок плода бредолиста. И теперь ты смеешь утверждать, что ничего не знала и не имеешь к этому отношения?

Он присел перед ней и кончиками пальцев приподнял её подбородок. Лицо наложницы было обезображено следами ужаса и слёз.

— Поначалу мне казалось, — вкрадчиво продолжил император, — что раз твои черты так напоминают её, то и душа твоя будет столь же чиста. Я надеялся, что ты сможешь окружить Семёрку заботой. Но ты разочаровала меня. Ты лишь осквернила это лицо.

— Нет-нет, Ваше Величество, выслушайте меня, я всё объясню...

Чунчжао, казалось, больше её не слышал.

— Впрочем, дорогая наложница, ты ведь пошла на этот риск ради своей семьи, верно? Небывалая храбрость. Я просто обязан вознаградить тебя за это.

Он внимательно изучил её лицо и тонко улыбнулся.

— Пожалуй, в награду я подарю тебе казнь трёх колен твоего рода. Как тебе такое, а?

Госпожа Чу замерла, а затем зашлась в истошном крике:

— Ваше Величество!!!

Евнух Юй махнул рукой. Вошедшие стражники подхватили обмякшую наложницу и поволокли её прочь.

Вскоре явился инспектор Управы Северных врат с отчётом о проверке записей:

— Ваше Величество, брат госпожи Чу перед тем, как попасть в темницу, действительно передал во дворец посылку. Было объявлено, что это подарок сестре на день рождения. После поверхностного осмотра в управлении ничего подозрительного не нашли и пропустили груз.

— Также получены показания дежурных слуг, — продолжил инспектор. — Брат госпожи Чу подкупил их, и они признались: в тот день в шкатулке действительно лежал флакон, похожий на благовония — тот самый, что нашли во дворце наложницы. Просто они не знали, что внутри запретное вещество.

— Значит, мы не ошиблись, — подытожил Чунчжао. — Передайте мой указ: за покушение на жизнь принца и контрабанду запрещённых товаров — казнь трёх поколений рода. Родственникам до девятого колена в трёх поколениях впредь запрещено занимать государственные должности.

— Слушаюсь, Ваше Величество, — склонился евнух Юй.

— Кажется, пришло время снова почистить инспекционно-транспортное управление, господин инспектор, — ледяным тоном добавил государь.

От этого вежливого обращения у чиновника похолодело внутри. Он поспешно пал ниц:

— Нижайше прошу прощения! Клянусь, впредь подобного не повторится!

Инспекционные службы чистили при каждом императоре, но проблемы возникали снова и снова. Всегда находились те, кто не мог устоять перед искушением.

В мутной воде всегда водится рыба, и обычно на мелкие прегрешения закрывали глаза, но инцидент с госпожой Чу был достаточным основанием для того, чтобы всё управление лишилось голов. В душе инспектор уже костерил своих подчинённых последними словами.

— Я даю тебе последний шанс, — произнёс Чунчжао. — Если допустят хоть одну оплошность — ответишь головой. А пока — пятьдесят ударов палками. Считай сам. Пшёл вон.

— Благодарю за милость, Ваше Величество!

Расправившись с наложницей и управлением, Чунчжао вспомнил события последних дней и тяжело вздохнул.

— Я хотел лишь выбрать Семёрке достойную мать, а в итоге едва не погубил его своими руками.

— Разве в этом есть ваша вина? — возразил евнух Юй. — Это лишь госпожа Чу оказалась

неблагодарной змеёй.

— Принесите его сюда. Похоже, сегодня ему снова придётся спать со мной.

Евнух поклонился и ушёл. Вскоре Дубяня принесли из Западного тёплого павильона. Госпожи Чу в зале уже не было — судя по всему, дело было решено.

Мальчик выглядел совсем вялым и безучастно прижимался к Е Сяюаню.

— Всё ещё не пришёл в себя? — спросил Чунчжао.

Сяюань, удерживая принца на руках, поклонился:

— Ваше Величество, лекарь говорит, что Его Высочество перепуган. Кажется, начинается жар.

Чунчжао нахмурился:

— Дай его мне.

Он перехватил сына, коснулся ладонью его лба и чуть расслабился. К счастью, температура была не слишком высокой.

— Неужели и правда так сильно испугался? Обычно ведь такой храбрый.

Симуляция третьего уровня ещё не вошла в полную силу, и жар был умеренным, но Дубянь всё равно чувствовал слабость. Весь его азарт, с которым он носился на собачьей повозке, испарился, словно воздух из проколотого шарика.

Мальчик обхватил Чунчжао за шею и глухо пробормотал:

— Наложница Чу хотела мне навредить... Мне не нравилось, что она будет моей мамой, но я не обижал её, просто не хотел разговаривать.

«Вот именно потому, что ты не хотел с ней разговаривать, она и придумала столь подлый план».

Хорошо, что всё раскрылось сейчас, и Семёрка не успел пострадать. Страшно представить, выжил бы он вообще под опекой такой женщины.

— Не бойся, — произнёс Чунчжао, — я выберу тебе мать получше.

Дубянь даже поперхнулся.

Он уже вдоволь насмотрелся на то, как «проницательный» папаша выбирает людей — доверия к его вкусу не осталось ни капли.

— А почему нельзя наложницу Сюань? — искренне спросил он. — Она мне очень нравится.

— Нельзя, — отрезал Чунчжао. — Боюсь, она тебя побьёт.

Дубянь на мгновение замолчал, а потом осторожно уточнил:

— Отец, а она тебя... тоже била?

— Ерунда! — вспыхнул император. — Кто тебе наплёл таких глупостей?

Обратный отсчёт системы подошёл к концу. Времени было предостаточно, и Дубянь не спешил. Стоило таймеру замереть на нуле, как он почувствовал, будто внутри него разгорается уютное пламя.

«Как тепло», — подумал он.

Если бы кто-то обнял его сейчас, то обнаружил бы под руками маленькую, исправно работающую печку.

Тело его становилось всё слабее, голова тяжело опустилась на плечо Чунчжао. Дубянь сонно зевнул, и вдруг в носу нестерпимо зачесалось. Он коснулся лица пальцем и увидел на коже ярко-красное пятно.

«...»

К виду собственной крови он привык, но всё же с брезгливостью вытер палец об одежду императора. Слава богу, он почти не ужинал, иначе его бы точно вывернуло прямо здесь.

Третий уровень симуляции действительно отличался от предыдущих. Неужели теперь каждый раз будет идти кровь носом? Если так, то он готов отказаться от этих очков, если только в будущем не появится возможность просто «отключить» обоняние.

Чунчжао почувствовал странную щекотку на шее, будто что-то тёплое потекло вниз.

«Неужели этот паршивец уснул у меня на плече и пускает слюни?» — подумал он и попытался отстранить сына.

— Если хочешь спать, то...

Зрачки императора внезапно сузились.

Дубянь, чьё сознание уже начало путаться, всё ещё пытался вытереть кровь, которая уже испачкала ему губы. Он терпеть не мог подобной неопрятности.

Стирая капли, он медленно поднял взгляд на отца и, увидев на его лице выражение подлинного ужаса, не сдержался. Ему это показалось до того смешным, что он невольно расплылся в улыбке.

Но Чунчжао было не до смеха. Он резко вскочил на ноги и проревел на весь зал:

— Лекаря! Быстро!

Дворец Чансинь.

Царил полный хаос.

Все слуги госпожи Чу были арестованы. Благородная госпожа Жун, не ожидавшая столь трагического поворота событий, заперлась в своих покоях, не смея носа высунуть наружу.

Пятый принц жался к её коленям:

— Матушка, а Седьмой брат вернётся?

Госпожа Жун посмотрела на сына и, вздрогнув от пережитого страха, прижала руку к груди.

— Не вернётся. Госпожа Чу казалась такой тихой и смиренной, а на поверку оказалась безумной. Решиться на такое... Нет, страшно то, что у неё вообще было это зелье.

— Какое зелье?

— То, что превращает людей в дураков, — ответила наложница. — Слава богу, я оберегаю тебя, иначе кто знает, когда бы и тебя погубили.

— Матушка, когда через несколько дней занятия закончатся, я хочу навестить Седьмого брата во дворце Цзычэнь.

Госпожа Жун хотела было отказать, но передумала.

— Хорошо, иди. Покажи всем, как ты заботишься о младшем брате.

Раз наложницы Чу больше нет, она осталась здесь за главную. Если её сын сумеет завоевать расположение государя, то и титул «наложницы» будет у неё в руках.

Ради драгоценных очков жизни Дубянь не стал включать режим блокировки боли, и мощь лихорадки третьего уровня обрушилась на него во всей красе.

Сознание мальчика поплыло, он чувствовал себя маленьким блаженным идиотом.

Кровь из носа удалось остановить, но он стал совсем заторможенным. Впрочем, инстинкты его тела работали исправно: помня о привычке хозяина изводить Чунчжао, он выплёвывал каждое лекарство, которое ему пытались влить.

Мальчик ни с кем не разговаривал. Он сидел на кровати, поджав ноги и понутив голову, а из его глаз градом катились слёзы.

Никто не мог его утешить, и в конце концов в покои впустили Да Хэй.

Услышав тихое поскуливание собаки, Дубянь наконец поднял голову. Он медленно сполз с кровати и под испуганным взглядом Чунчжао, пошатываясь, дошлёпал до огромного пса и уселся прямо перед ним.

Да Хэй обнюхала детёныша.

«Человеческий щенок заболел».

Она тревожно тявкнула, метнулась к собачьей повозке, выхватила оттуда кусок мяса, припасённый для неё Дубянем, и, вернувшись, положила его к ногам мальчика.

А затем легонько подтолкнула его в плечо носом. Она поделилась с ним своей едой.

Дубянь долго смотрел на мясо, а потом обхватил голову собаки руками. Комок, стоявший в горле, наконец прорвался наружу вместе с жаром.

Обливаясь слезами, он прошептал псу:

— Я хочу домой...

«Я хочу домой».

Евнух Юй всполошился:

— Ваше Высочество, но ведь здесь и есть ваш дом!

Дубянь крепко зажмурился. В обычном состоянии он никогда не позволил бы себе таких эмоций, но болезнь лишила его всякого самообладания.

Он говорил не об этом доме. Его настоящий дом остался в тысячелетиях будущего.

Но он не мог сказать об этом ни одной живой душе. Никто не мог разделить с ним это безбрежное одиночество.

И Дубянь просто обнимал голову Да Хэй, выливая в этот плач всю тоску, которую никто не мог понять.

К вечеру весть о покушении госпожи Чу на Седьмого принца облетела весь дворец. Хотя наложница Сюань и прислужница Го из дворца Шуньнин старались держаться в стороне от гаремных интриг, подружки Го по игре в карты донесли до них все подробности.

Вернувшись, Го тут же пересказала всё Сюань.

Она искренне любила Седьмого принца — ведь стоило ему появиться, как её дочь Чжили сияла от счастья. Да и то, с каким аппетитом мальчик уплетал её стряпню, не могло не вызвать ответной симпатии.

— Какое чёрствое сердце! — негодовала Го, едва переступив порог. — Видно же, что решили воспользоваться тем, что у мальчика нет матери в гареме. Будь жива наложница Юнь... императрица Дэцзин, разве посмела бы эта дрянь так издеваться над ребёнком!

— Матушка, с братом что-то случилось? — спросила принцесса Чжили.

Прислужница Го погладила дочь по щеке:

— Всё хорошо, милая. Твой Седьмой брат в порядке, а злую женщину поймали.

Маленькая принцесса сердито сжала кулачки:

— Если они ещё раз обидят братика, Чжи забросает их камнями. Гадкие люди.

— Почему ты молчишь, сестра? — обратилась Го к наложнице Сюань.

Та жестом подозвала свою старшую служанку:

— Иди и разузнай, нет ли новостей о Семёрке.

Служанку звали Синь Цин. Она служила Сюань много лет и была женщиной крайне рассудительной. Вернулась она спустя четверть часа с тревожными вестями:

— Госпожа, из дворца Цзычэнь передали: Седьмой принц так сильно испугался, что слёг с сильнейшей лихорадкой. Лекари из Медицинской академии не отходят от него.

Наложница Сюань резко встала.

— Лихорадка?

— Да, — подтвердила Синь Цин. — Говорят, императрица тоже там. Состояние принца даже хуже, чем когда во дворец приезжала старая госпожа Хоу. Государь впускает только лекарей, так что точных подробностей никто не знает.

Сюань невольно сжала платок в руках.

— Если ты так волнуешься, сестра, сходи навести его, — предложила Го. — Тем более что императрица уже там.

Но Сюань покачала головой, нахмурившись:

— Мне кажется, всё не так просто. Судя по твоим словам, госпожа Чу поначалу и не думала преследовать Семёрку в саду. Не верится, что она решила пойти на такое преступление лишь потому, что император выбрал её первой для присмотра за принцем.

Го ахнула:

— Ты хочешь сказать, что за этим кто-то стоит?

— Мы столько лет наблюдаем за гаремными играми, — задумчиво произнесла Сюань. — Неужели ты не узнаёшь почерк «убийства чужим ножом»? — Она помолчала немного. — Уведи Чжии к себе, мне нужно подумать.

Когда Го с дочерью ушли, Сюань подошла к письменному столу. В её взгляде читалось явное колебание. Спустя мгновение она вдруг усмехнулась, осознав причину своих сомнений.

Она всё ещё мучительно решала, готова ли впустить Седьмого принца в своё сердце, готова ли принять его любовь и надежды.

Она не понимала, что в тот самый момент, когда она начала сомневаться, судьба уже сделала выбор за неё.

Сюань закрыла глаза, а когда открыла их, в них светилась лишь твёрдая решимость.

— Разотри тушь.

Пока Синь Цин готовила тушь, наложница Сюань быстро начертала несколько строк на клочке бумаги, свернула его в трубочку и спрятала в крошечный бамбуковый футляр.

— В управлении у Северных ворот сейчас неразбериха из-за обысков. Передай это письмо и проследи, чтобы оно попало прямиком в поместье Се. Ты знаешь, кому его отдать.

— Не беспокойтесь, госпожа, — торжественно пообещала служанка.

Инспекционно-транспортное управление было местом, на которое все смотрели сквозь пальцы. Государь порой поощрял утечки информации ради своих целей, и вряд ли в столице нашёлся бы знатный род, не имеющий там своих людей. У семьи Се они тоже были.

Это было первое письмо, которое наложница Сюань отправила домой за последние пять лет.

Поместье Се

«Старые ласточки из домов Ванов и Се разлетелись по домам простых людей».

Столичный род Се, хоть и не был тем самым древним родом из стихов, славился своей безупречной честностью и преданностью долгу.

Наложница Сюань, чьё настоящее имя было Се Минсюань, была поздним и самым любимым

ребёнком великого наставника Се. У неё был лишь старший брат, и вся семья души в ней не чаяла.

Однако из-за размолвки с отцом после смерти матери Сюань почти не поддерживала связь с домом. И вот теперь это неожиданное послание. Нынешний глава рода и брат наложницы, заместитель министра общественных работ Се Цзиншань, буквально ворвался в покои отца.

Великий наставник Се как раз парил ноги в кадке. Он сердито воззрился на сына:

— Что за спешка? Неужели я зря учил тебя выдержке?

— Прости, отец, — Цзиншань перевёл дух и поклонился, стараясь говорить спокойно. — От сестры пришло письмо. Только что...

— И ты молчишь?! — Наставник Се вскинул брови и, выскочив из кадки, молниеносно выхватил письмо из рук сына.

Цзиншань лишь беспомощно развёл руками.

— Сестра просит разузнать, — начал он, — не встречался ли брат госпожи Чу с кем-нибудь в тюрьме. Или не интересовался ли кто-нибудь родословной семьи Чу. А ещё — кто из наложниц имеет влияние в Министерстве наказаний и Ведомстве Дали.

— А кто такая эта госпожа Чу? — спросил старик.

— Из дворца только что передали: наложница Чу пыталась отравить Седьмого принца запретным зельем. Попытка провалилась, но государь в ярости. Он приказал истребить весь её род. Завтра на совете в Ведомстве Дали и Министерстве наказаний будут обсуждать это дело.

Наставник Се погрузился в раздумья. Он был уже стар и давно отошёл от дел. В главной ветви рода Се сейчас служил только Цзиншань в «чистом» министерстве, остальные члены семьи занимали почётные, но лишённые реальной власти должности. В столице они считались образцом бескорыстных чиновников.

Впрочем, такова была воля самого патриарха. Нынешний император был слишком подозрителен к тем, кто обладал большой властью. Когда наставник Се служил при дворе, у него было слишком много учеников, и со временем это могло перерасти в опасную фракцию.

Лишь отойдя в тень и распределив младших по важным, но не ключевым постам, он обеспечил им будущее и избавил от опалы. Тем не менее, благодаря обширным связям рода Се, разузнать что-либо для них не составляло труда.

Старик, прослуживший при дворе полжизни, обладал отменным чутьём.

— Твоя сестра так и не оправилась после потери своего ребёнка. И вот император затевает поиски матери для Седьмого принца, а она присылает мне такую просьбу...

Наставник Се и Се Цзиншань обменялись понимающими взглядами.

— Сестра хочет усыновить принца! — воскликнул Цзиншань.

— Но если Седьмой принц в будущем пожелает вступить в борьбу за власть, наш род невольно окажется на его стороне. Отец, это в корне противоречит вашему правилу не вступать ни в какие союзы.

Старик сжал в руке записку и, заложив руки за спину, босиком сделал пару кругов по комнате. Цзиншань с сомнением смотрел на мокрые следы на полу.

— Вообще-то, — заметил сын, — в такой ситуации логичнее было бы действовать поместьем Маркиза, Держащего Меч.

— Хм. Старая госпожа Хоу только недавно была во дворце. Если поместье Маркиза будет реагировать на каждую неприятность принца... Один раз — это защита, но постоянно — это уже вызов. Старый маркиз всё ещё на Севере, как ты думаешь, что решит государь? Он воспримет это как угрозу.

Старик вздохнул:

— Госпоже Хоу сейчас лучше не высываться. Но мы можем передать ей сведения и посмотреть, что она предпримет.

— А мы?

Наставник Се швырнул записку в жаровню, и пламя мгновенно поглотило бумагу.

— Семья Се не из трусливых. Если твоя сестра наконец нашла в себе силы жить дальше, то усыновление принца — не худший вариант.

— Решено. Начинай расследование!

Столица была средоточием власти Великой Чжоу. И каждый, кто удержался здесь, под самым

боком у императора, обладал своей долей хитрости и влияния.

Имя Седьмого принца снова не сходило с уст придворных. Последние громкие события были связаны только с ним, и чиновники уже начали к этому привыкать. Многие перед дворцом покупали стаканчик чая с молоком, чтобы взбодриться, а допив, оставляли пустые бамбуковые трубки на специальных подставках у входа.

С тех пор как ежедневная порция горячего напитка вошла в привычку, Чунчжао распорядился поставить у входа стеллаж для пустой посуды. Лишь бы министры после этого чая на совете были бодрее и говорили громче.

Чиновники и военачальники выстроились по обе стороны зала, ожидая выхода императора.

Они ждали и ждали, время уже на четверть часа перевалило за привычный срок. Чиновники начали шептаться: один рассказывал, как соседа жена вчера заставила стоять на коленях на стиральной доске, другой — как коллегу застали в храме с любовницей, и тот от позора слёг с сердечным приступом. Кто-то и вовсе увлечённо расчертил на бумаге поле и играл в гоמוку.

Все недоумевали: почему государь задерживается? Будет ли вообще совет? Если нет, то они лучше пойдут домой.

Наконец впереди послышалось движение.

Министры поспешно оправили одежды. Первым делом слуги вынесли огромную ширму, которая почти полностью скрыла трон и проходы по бокам.

Затем они увидели неясный силуэт государя. Казалось, он прижимает что-то к себе. Миновав ширму, император опустился на трон. Несколько слуг внесли подносы с чем-то ароматным — видимо, едой.

Странное дело. Государь никогда не ел во время советов, разве что пил чай. А тут и ширма, и закуски... К чему всё это?

Евнух Юй откашлялся:

— Нача... — голос его внезапно сорвался на шёпот. — Начало совета.

Чиновники в полном недоумении склонились в поклоне:

— Приветствуем Ваше Величество! — рявкнули они в унисон. Голоса их громом отозвались под сводами зала.

Чунчжао поморщился. Уж слишком хорошо кормили этих министров, раз у них такие лужёные глотки.

Он опустил взгляд на спящего у него на руках ребёнка. Тот спал крепко и от крика не проснулся. С тех пор как Семёрка заболел, он не отпускал отца ни на шаг. Весь вчерашний вечер и ночь император провёл с лекарями у его постели, так и не сомкнув глаз. А когда пришло время идти в зал совета, мальчик намертво вцепился в его руку, а ртом зажал прядь его волос.

Было два способа освободить волосы: либо обрезать их, либо взять сорванца с собой. По законам предков император не мог обрезать волосы, если только в стране не случилась катастрофа или траур. Чунчжао долго пытался договориться с Дубянем, но тот не отпускал. Помня о вчерашнем ужасе, государь побоялся будить его силой.

Великий император признал поражение. Завернул ребёнка в одеяло и пошёл на совет. Сидя сейчас на троне, Чунчжао чувствовал себя так, будто попал в какой-то нелепый сон. Если бы он мог вернуться в прошлое, он бы самолично надавал себе пощёчин за выбор госпожи Чу. Всего два дня — и он снова вернулся к тем кошмарным временам, когда впервые выхаживал больного Семёрку.

Он коснулся тёмных кругов под глазами и вздохнул. И долго ли он отдыхал?

Командующий императорской гвардией Цзо Тяньлан вышел вперёд:

— Докладываю Вашему Величеству! Вчера по вашему приказу были схвачены все родственники семьи Чу в столице. Сейчас они в темнице Министерства наказаний и ждут приговора!

Дубянь пошевелился. Чунчжао мгновенно прижал ладони к его ушам. Подождав немного и убедившись, что сын затих, он облегчённо выдохнул. Если малец проснётся и заголосит прямо здесь, императору придётся укачивать его на глазах у всех — прощай тогда образ мудрого правителя. Страшно представить, что напишут летописцы.

Голос его прозвучал почти скрежещуще:

— Командующий Цзо, ты, я вижу, сегодня плотно позавтракал? Уж больно голос громок.

Цзо Тяньлан в ответ лишь зычно расхохотался и, сложив руки в благодарственном жесте, искренне воскликнул:

— Всё благодаря вашей милости, государь! Вы позволили нам пить этот чудесный чай с молоком во дворце. Стоит сделать глоток — и голод как рукой снимает, ха-ха-ха!

— Скажите же, господа! — обернулся он к залу. — Сил-то для службы прибавилось!

Дубянь заворочался и недовольно захныкал:

— А-а-а, папа, шумно... папа, шумно...

Чунчжао одной рукой зажал рот сыну, а сам прошипел командующему:

— Любезный мой подданный, не соизволите ли вы заткнуться? Вдруг сорвёте голос — это будет... о-чень... пло-хо.

Последние слова он буквально выдавил сквозь зубы. Командующий Цзо мигом притих и пропищал едва слышно:

— Слушаюсь.

Он вернулся в строй, и в зале воцарилась зловещая тишина.

Летописец деяний императора в изнеможении потёр лоб. Он всё меньше понимал, что происходит на советах. Ему приходилось не просто записывать факты, но и приукрашивать их для потомков — хоть бы кто пожалел его редующие волосы! Все мы лишь подневольные люди, почему его жизнь стоит меньше других?

Он взял кисть и начертал:

[В день X командующий Цзо на совете молвил: «Государь проявляет небывалую заботу о чиновниках, потчуя их новым напитком!»]

[Император отвечивал: «Голос твой слишком громок, видать, ешь ты премного».]

[Командующий Цзо рассмеялся и промолвил: «То лишь милость Вашего Величества».]

[Государь молвил: «Стихни же, дабы не повредить гласу своему».]

[Командующий с радостью вернулся в строй.]

[Все министры взирали на него с почтением и завистью.]